

МАТЕРИАЛ НА КУРСОВУЮ РАБОТУ

Перистые облака застыли в голубом небе, как стая грациозных розовых фламинго на зеркале утреннего озера. Восходящие потоки теплого воздуха упруго давили снизу и плавно раскачивали, как в детской колыбели. Было свободно и хорошо. Раскинув руки, словно Северный ветер Рокуэла Кента, я летел на восток, навстречу восходящему солнцу. Внутри все замирало от головокружительной высоты. Насколько хватало глаз, раскинулись сопки. Их зеленые горбы, с коричневыми проплешинами курумника на боках, тянулись вдаль до самого горизонта. Внизу, повторяя контуры реки, струилась полоса утреннего тумана.

Как беркут, пикирующий на добычу, я стремительно ринулся вниз и, пронзая гущу тумана, помчался над самой водой. Перед водопадом крупный лосось оранжевой дугой выпрыгнул из стремнины. На лету подхватив руками его упругое мокрое тело, я бросил его вверх, помогая преодолеть грохочущий порог. Всё было удивительно натурально. Проснувшись, я даже ощупал свои ладони, проверяя, не осталась ли на них рыба чешуя.

Состояние необыкновенной легкости и бесконечного счастья заполняло все клеточки тела. Сквозь мелкие дырки, прожженные искрами в брезентовой крыше палатки, вонзились тонкие, как клинок рапиры, солнечные лучи. В тайге, радуясь яркому свету, щебетали птицы.

Обычно утром разбудить меня трудно, а тут я проснулся сам, и спать почти не хотелось. Какое это блаженство быть молодым, здоровым и, ощущая силу отдохнувших мышц, лежать и мечтать о долгой и счастливой жизни впереди. Не то, что в старости. Говорят, что когда тебе за семьдесят и, проснувшись утром, ты обнаружил, что у тебя ничего не болит, – значит ты уже умер!

Зашевелился и вылез из спальника Ник – сегодня была его очередь дежурить. Не одеваясь, он встал и вытащил из ножен мой большой

охотничий нож. Я, было, подумал, что он собирается наколоть щепок для растопки костра. Ник вскрикнул, и нож упал на землю.

– Твой дурацкий нож острее бритвы, – Ник зажал рукой кровоточащую рану.

Что верно, то верно. Для заточки ножа я пользовался специальным алмазным бруском, а доводил жало на коже собственной руки. Не всякая бритва у профессионального парикмахера имела такую остроту.

– Мой старший брат говорит, что у настоящего геолога должен быть острый ум, острый нож и остро заточенный карандаш. Не знаю, как насчет ума, не мне судить, но карандаш и нож у меня всегда острые. Не выношу тупые ножи и тупых людей. Покажи руку.

Рана была небольшая.

– Что ты хотел сделать ножом?

– Сон нехороший приснился, ну, и чтобы он не сбывся, надо выпустить дурную кровь, есть такая примета.

– И что же такое нехорошее тебе приснилось? – я поднял с земли нож, вытер и убрал его в ножны.

– Я предал близкого друга.

– Жену? – вдруг сразу догадался я.

Ник промолчал.

– Тогда все ясно, ты согрешил во сне с другой женщиной. Судя по твоему виноватому виду, это, наверное, было море разврата. Давай руку перевяжу.

– Не надо, так заживет.

– Давай, без разговоров.

– Спасибо, – буркнул Ник, когда я забинтовал руку.

Я снова залез в спальник.

Ник откинул брезентовый полог, и холодный утренний воздух устремился в палатку.

– Сойку покорми, – крикнул я вслед Нику через открытый вход, – и бурундуков!

«Бурундуки, наверное, опять залезли в кастрюлю с хлебом», – подумал я, поворачиваясь на другой бок в тёплом уютном спальнике.

Неделю назад, утром, во время моего дежурства я обнаружил, что крышка большой эмалированной кастрюли, в которой мы хранили хлеб, приоткрыта.

«Это Ник так оставил, – подумал я, – а за ночь всё отсырело, и теперь придется есть мокрый хлеб».

Но тут из-под крышки вскочил шустрый полосатый бурундук с коркой хлеба в лапках, оглянулся на меня и в один миг взлетел вверх по стволу толстого кедра.

«Эх, жаль не знал, что ты там сидишь, – я погрозил пальцем маленькому воришке, – бурундук расположился на толстом суку и принялся с аппетитом грызть сухую корку. – Поймал бы тебя и отвез к себе домой в Ленинград. Жил бы, между прочим, в тепле и сытости, – соблазнял я бурундука, – знаешь, какой у меня в комнате фикус стоит у окна? Чуть меньше этого кедра».

Бурундук съел корку и скрылся в кроне дерева.

«Ну-ка, посмотрим, что ты, хвостатый, там натворил», – я поднял крышку и вскрикнул от неожиданности. На дне кастрюли завтракали ещё три бурундука. Они замерли, испуганно разглядывая меня черными бусинками глаз. Инстинктивно я грохнул крышкой, пытаюсь запереть

бурундуков в кастрюле, но они стремительно бросились врассыпную. Я только зря отбил на крышке эмаль. В тот же день мы с Ником сделали бурундукам специальную кормушку, и они стали появляться около кухни каждое утро.

И еще к нам в лагерь по утрам прилетала сойка. Она садилась на нижний сук кедра, важная и нарядная, и внимательно наблюдала, чем занимается дежурный. Я угостил её хлебом. Сойка делала вид, что она прилетела совсем не за подачкой, а просто ей интересна полевая геология. Через некоторое время она все-таки взяла угощение. Теперь сойка появлялась каждое утро. Она скромно сидела на суку, наблюдала за мной и никогда не просила.

Ник разжег костер и с ведром побежал к реке. Над широким плесом ключьями пролетали остатки утреннего тумана. В насыщенном летучей влагой холодном воздухе слышался шум дальних порогов.

Наблюдая, как Ник хлопчет у костра, я отметил про себя, что действительно приятнее всего смотреть на огонь, воду и на то, как другие люди работают. Тем более что тут были все три удовольствия сразу в одном кадре.

С этой мыслью я задремал, но меня тут же разбудил Ник. Он показал мне полную горсть перловки и спросил:

– Это что за крупа?

– Перловка, оставь ее в покое, она плохо разваривается и кашу из нее тебе не сварить.

– А это? – Ник раскрыл другую ладонь, в которой лежал дробленый горох.

– Ты что еще не проснулся? Это же горох, пора бы и запомнить!

В голове у Ника хорошо держались только всякие абстракции типа стихов и математических формул. Запомнить простой рецепт каши он не мог. У меня же все было наоборот. Кулинарные рецепты, анекдоты и песни запоминались легко и сами собой. А вот математические формулы или номера телефонов выветривались из моей головы в считанные секунды. Особенно быстро я забывал имя человека, с которым только что познакомился.

– В синем брезентовом мешке возьми пшено.

– Подожди, не спи, – Ник схватил свою тетрадку со стихами, в которую с обратной стороны записывал кулинарные рецепты, – диктуй!

– Раскладка маршрутная – половина кружки крупы на человека. Тщательно вымой пшено, пока вода не станет прозрачной.

Чтобы зря не терять время, я стал незаметно делать специальную гимнастику, разработанную мной еще в экспедиции на Памире. Лежа на спине с закрытыми глазами и полностью расслабившись, надо медленно сжимать пальцы на ногах и затем резко их выпрямлять. Такие упражнения не требовали больших усилий и, на мой взгляд, должны были способствовать воспитанию характера и укреплению силы воли. Но чаще я просто засыпал.

Ник толкнул меня в плечо, опасаясь, что я снова уснул.

– Засыпаешь крупу в соленую кипящую воду и в это время на сковородке поджариваешь бекон и лук.

– Где я возьму бекон? – удивился Ник.

– Никакой фантазии. А еще поэт! В данном случае возьми копченое сало в эмалированном ведре. Сало и лук не жалея. Поджаренный лук со шкварками и растопленным жиром выливаешь в кипящую жидкую кашу и все осторожно перемешиваешь. Крупа быстро заберет в себя воду, и как

только на поверхности останутся булькающие пузыри, казан отодвинь в сторону на край костра, на слабый огонь, и закрой крышкой. Через полчаса каша дойдет и будет готова.

– А как называется это блюдо?

– Назовем его «каша по-дальневосточному».

– Что, значит, назовем? Ты этот рецепт сам придумал?

– А что такого? Вы – поэты можете придумывать стихи, а мы, грешные маршрутные геологи, не можем придумать рецепт приготовления каши?

– Но мне кажется, что я уже ел такое блюдо.

– Конечно, я его уже три раза готовил. Когда ты о стихах или о жене думаешь, тебя можно чурками кормить, все равно вкуса не чувствуешь.

Рассказы о пшенной каше так раздражили мой желудок, что сон меня оставил.

– Сигарету дашь? – в упор спросил я Ника, без малейшей надежды на успех.

– Нет! – Ник отрицательно мотнул головой.

Одевшись, я сразу же сделал доброе дело – загнал пару отличных мух на обед в ловчие сети моему приятелю Куконе – мосласту пауку крестовику. Паук жил в верхнем углу нашей палатки, где у него была сплетена ажурная паутина. Я объяснял Нику, озабоченному появлением нового жильца, что у некоторых пауков нет желудка и пищеварение у них внешнее. Паук кусает свою жертву и впрыскивает в нее яд и желудочный сок. Муха быстро переваривается, так что паук высасывает из нее готовый к усвоению продукт.

Ник содрогнулся от таких деталей и высказался против нового жильца. Он всерьез опасался, что ночью паук может подкрасться и незаметно укусить его, так что утром он проснется готовым к высасыванию.

«Такую тушу, как ты, и за год не переварить», – успокаивал я Ника.

И вдруг я вспомнил, что сегодня будет маршрут на небольшое оловорудное месторождение, которое мне рекомендовали в качестве объекта для курсовой работы.

Курсовая работа после производственной практики – дело ответственное. Надо собрать в экспедиции геологический материал, обработать его за два семестра, написать работу и защитить ее на заседании кафедры. Это не то, что в других вузах. Один мой приятель из электротехнического института в своей курсовой работе писал: «А сердечник для трансформатора возьмем деревянный – все равно курсовик читать никто не станет!»

Месторождение располагалось около штока гранитов, прорывающего третичные лавовые покровы. В окружении штока были разведаны оловянные руды, имеющие вид почковидных выделений касситерита – деревянистого олова. В гранитах отмечалась повышенная гамма-активность, и здесь фиксировалась аэрогамма-аномалия. Мне предстояло изучить формы нахождения урана и тория в минералах гранитов и рудах.

На реке я умылся холодной водой, сделал зарядку и короткую боксерскую разминку. Пока Ник готовил завтрак, я написал чистую пикетажку, подаренную мне старшим братом, до остроты иглы наточил карандаши и приготовил охотничье ружье и патроны.

Каша со шкварками и луком удалась, и даже суровый начальник, не любивший никого хвалить, отметил высокое мастерство повара. Ник зарделся как мальчик, впервые в жизни получивший четверку.

Шесть километров до месторождения мы прошли по старой заросшей тракторной дороге. Идти было легко, не то что по тайге с буреломом. Рябчики во множестве перелетали дорогу, но я решил серьезно заняться ими на обратном пути.

Месторождение находилось в распадке между двух небольших сопок. Ручей пересекал округлый в плане шток гранитов ровно посередине. Мы взяли с собой два радиометра, и как только вступили на граниты, сразу почувствовали повышение гамма-активности – в наушниках затрещало.

Начальник разложил на камнях геологическую карту и кратко рассказал нам о строении месторождения. Мне предстояло составить радиометрическую накладку на геологическую карту и отобрать образцы пород для определения в них содержания урана и тория. В течение часа начальник показал мне, как выглядят основные разновидности пород и руд. Я все аккуратно записал в дневник и на лужайке у ручья разложил пронумерованную эталонную коллекцию образцов.

После обеда мы с Ником стали захаживать участок по профилям, параллельно ручью, измеряя гамма-активность пород через каждые двадцать метров. Начальник обследовал коренные выходы гранитов и старые разведочные каналы.

Когда я находился внизу и переходил ручей, Ник вдруг заорал:

– Абель, смотри, там медведь!

Из-за скалы мне был виден только Ник, показывающий рукой куда-то вверх. Засунув гильзу радиометра за ремень, я схватил ружье и рванул к ним.

– Быстрее, быстрее! – вопил Ник.

Я почти бежал вверх по крутому склону. Правый курок у моего ружья был утерян в маршруте, а левый чоковый ствол на самом конце имел вздутие, образовавшееся от снежной пробки, закупорившей ствол в момент выстрела на зимней охоте. При стрельбе пулей Якана, свинцовый поясик которой должен был сминаться при прохождении сужения чока, такой ствол могло разорвать на куски. Я вспомнил, что у меня есть два патрона, заряженных картечью, на ходу достал один и загнал в патронник.

Когда я вылез на уступ, Ник и начальник показывали руками наверх.

– Он только что скрылся, – крикнул Ник.

Сердце мое колотилось от волнения и напряжения, но я все равно полез выше. И не потому, что хотел застрелить медведя, а просто мечтал на него посмотреть и, если удастся, то и сфотографировать. Я еще ни разу не видел дикого медведя в природе.

На подходе к вершине я сбавил темп. Сердце молотом бухало в груди, а дыхание стало хриплым. В таком состоянии ни фотографировать, ни стрелять невозможно. Было немного страшно, а вдруг медведь спрятался за уступом и сейчас выскочит мне навстречу.

Но меня ждало глубокое разочарование. Это была не вершина сопки, а очередной уступ. Вверх на триста метров уходил каменистый пустынный склон. Медведя не было. Неужели он успел так быстро ускакать за перевал? Дальше бежать я уже не мог и, прислонив ружье к скале, присел отдохнуть.

Внизу широко и свободно раскинулся девственный лес. Я знал, что на север глухая тайга простирается на тысячи километров и переходит в тундру на берегу Великого Ледовитого океана.

Снизу послышался крик Ника. Они с начальником смотрели на меня. Я показал рукой на вершину, сообщая, что медведь ушел, и они занялись работой.

Мне очень хотелось найти хотя бы следы медведя и, вернувшись, с видом бывалого следопыта рассказать начальнику и Нику о своих наблюдениях. Тщательный обыск местности не дал ничего: не было ни клочков шерсти на кустах, ни отпечатков на камнях и где-то внутри у меня шевельнулось сомнение. Скажешь им, что видел следы, а они объявят, что тебя надули. Вообще-то Ник меня не разыгрывал. Я его тысячу раз, но он меня никогда.

Я спустился вниз. Ник с начальником вопросительно на меня посмотрели.

– Ушел! – коротко, как и положено следопыту, ответил я.

Во время работы я часто смотрел наверх, в надежде увидеть медведя, но он так и не появился. На обратном пути я подстрелил трех рябчиков. Ник осудил меня как убийцу и объявил, что не будет потрошить и готовить птицу. Нравятся мне такие люди: убивать животных нельзя, а есть их мясо можно. Когда я поджаривал рябчиков с чесноком на большой чугунной сковороде под гнетом, как цыплят-табака, Ник от ужина никогда не отказывался и уплетал дичь за милую душу.

– Иди, разбирайся со своим пауком, – недовольно пробурчал Ник, когда мы вернулись в лагерь, – он своей паутиной вход заплел.

– Куконий, ты почему хулиганишь? – пристыдил я паука, сидящего в центре ажурной паутины, натянутой поперек входа. – Тебе что мух не хватает, и ты решил поймать Ника?

Куконя проворно убежал в свое логово. Я сорвал паутину и освободил проход.

Завтра я должен был идти на месторождение один. Ник с начальником отправлялись в другую сторону. Надо было, как следует подготовиться к самостоятельному маршруту. Беспокоил меня медведь. Вдруг завтра снова появится, а из моего ружья пуль не выстрелит: левый ствол раздут, а у правого нет курка. Необходимо было как-то сделать курок. Легко сказать «как-то сделать». Курок для ружья и в хорошей мастерской непросто изготовить, а в глухой тайге с моим куцым походным набором слесарных инструментов и подавно. И материала не было.

Ник потешался над моей затеей сделать курок и утверждал, что удар прикладом может остановить любого медведя.

При обследовании территории лагеря около хозяйственной палатки я нашел кусок толстой ржавой проволоки, оставшийся, вероятно, с тех времен, когда здесь стоял отряд буровиков геологоразведочной партии. Двадцать минут я рассматривал проволоку, и так и эдак поворачивая ее и прикидывая технологию изготовления будущего курка. Ник удивился столь долгому молчанию и даже подумал, что со мной что-то случилось. Наконец, я придумал технологию и приступил к делу. Закрепив на листовничной чурке крошечные тиски, я гнул, клепал и пилил толстую проволоку, примерял и снова выпиливал.

Ник давно храпел, начальник тоже. Я упорно делал курок и думал о встрече с медведем. Конечно, убивать его я не собирался, но и быть перед зверем безоружным тоже не хотел. В три часа ночи курок был готов. Смотрелся курок отлично, изящно изогнутая проволока точно ударяла по бойку. Оставалось проверить его в действии, а то вдруг ему не хватит массы наколоть капсюль. Ждать утра не было мочи. Я вышел из палатки и хотел тихонько стрельнуть вверх, чтобы опробовать курок, но грохот почему-то получился ужасный. Из своей палатки с наганом в руке выскочил испуганный начальник и стал на меня кричать.

– Какого черта ты стреляешь ночью?
– Согласно инструкции, отпугиваю диких животных, – отрапортовал я.
– Каких животных? – опешил начальник.
– Мне показалось, что медведь к лагерю подошел.
– Кончай придуриваться и немедленно ложись спать! – приказал начальник.

Ник, разбуженный выстрелом, буркнул что-то недовольным голосом. Я залез в спальный мешок и мгновенно уснул.

Проснувшись утром, я вспомнил, что сегодня моя очередь дежурить. Вскочил и, как ошпаренный, стал искать бересту для растопки костра. Ника в палатке не было. Его спальный мешок был аккуратно покрыт одеялом.

Утро было хмурое и прохладное, трава мокрая в росе, а над рекой медленно проплывали клочья тумана. У костра возился Ник. Он добровольно отдежурил за меня и уже приготовил завтрак. Вот что значит настоящий друг!

Отжимаясь от гальки у реки, я вдруг увидел перед носом сапоги начальника.

– Скажи честно, зачем ты ночью стрелял? – начальник сурово взглянул на меня.

Я все рассказал и похвастался изготовленным курком.

– Ну, теперь медведь тебе не страшен, – ухмыльнулся начальник.

У меня в душе вновь шевельнулось подозрение насчет медведя: не розыгрыш ли это? Но, вспомнив естественный голос Ника, когда он кричал мне про медведя, успокоился.

После завтрака я собрался в маршрут и взял ружьё, фотоаппарат, бинокль, рюкзак, полевую сумку, радиометр, а также молоток и увесистую кувалду. Ник ехидничал, что по обилию амуниции я напоминаю ему вешалку, приготовленную для написания «геологического натюрморта».

– Удачи! – пожелал мне начальник.

– Доброй тебе охоты! – голосом киплинговского медведя Балу напутствовал меня Ник.

Я решительно направился вверх по тропе. На взгорке обернулся. Ник с начальником смотрели мне вслед. Я поднял и скрестил над головой ручки молотка и кувалды как на гербе нашего факультета. Ник поднял вверх обе руки с пальцами в форме V – виктория – победа!

В маршруте я всё время спиной ощущал чей то злой взгляд. Казалось, что за каждой скалой меня караулит медведь. Ружье было наготове. Пуля Якана в правом стволе и крупная картечь в левом придавали уверенности. На груди болтался старенький ФЭД с взведенным затвором и глубиной резкости выставленной на бесконечность. Но медведь хитрил и не показывался. Целый день я мучился ожиданием. В конце концов до меня дошло, что если бы вчера здесь действительно был медведь, начальник не отпустил бы меня одного в маршрут. А разыграли меня, чтобы в одиночном маршруте я был предельно внимательным и осторожным. Вот тебе и Ник – честный друг. Ничего — сочтемся стихами.

Но работа есть работа. Закончив составление радиометрической схемы, отобрал пробы из гранитов с максимальной радиоактивностью.

Незаметно надвинулись сумерки. Образцов набралось столько, что трещали лямки рюкзака. Чтобы подстраховаться и не порвать ветхий маршрутный рюкзак, пришлось соорудить из ремня дополнительную налобную лямку. На обратном пути в лагерь я вдруг заметил на дороге отпечатки огромных медвежьих лап. По следам было видно, что зверь идет

впереди меня в сторону лагеря. Я взял ружье на изготовку. Следы то появлялись на дороге, то исчезали. Там, где зверь перелезал через поваленный ствол лиственницы, на сучках остались клочки его рыжеватобурой шерсти. Стало быстро темнеть. Прислушиваясь к каждому шороху, я осторожно двигался с ружьем наперевес. Наконец, между деревьями блеснул огонек. С горки, на которой сегодня утром я показывал скрещенные молотки, был отлично виден костер на берегу реки. Казалось, что даже на таком расстоянии чувствовалось его тепло. Я смело шагнул вперед и вляпался ногой во что-то мягкое. Конечно, это была куча свежего медвежьего помета.

«Подловил все-таки, косолапый», – с раздражением подумал я.

Кругом было полно отпечатков медвежьих лап. Но зверь не показался, и я благополучно добрался до палаток. У костра возился Ник. Заметив меня, он схватил оцинкованный таз и отбарабанил на нем туш. Из палатки вышел начальник.

– Ну что, принес медведя? – усмехнулся Ник.

Глядя на его хитрую физиономию, я окончательно убедился, что с медведем на месторождении меня разыграли. Теперь была моя очередь.

– Гнал его от месторождения почти до самого лагеря. Хотел вам живого медведя показать, – я протянул начальнику клочки медвежьей шерсти, – но тут его от страха пронесло. Хорошо не в лагере. Я, конечно, мишку пожалел и отпустил. Хотите, покажу следы?

Ник с начальником молча пошли за мной на горку. Было уже темно, но при свете фонаря мы увидели медвежьи следы и помет. Можно было представить себе, как огромный хищный зверь стоял здесь, может быть полчаса назад, смотрел на наш лагерь и в его маленьких глазах отражалось пламя костра.

– Поодиночке из лагеря ни шагу! – вдруг грозно заявил начальник.

– А как же в туалет? – удивился Ник.

– Как моряки в заграничном порту – ходить группами не меньше трех человек, – сострил я.

Сам начальник в маршруты ходил один и боялся не за себя, а за нас.

– Надули меня вчера с медведем? – спросил я Ника, когда мы вернулись к палаткам.

Ник покраснел и сообщил, что начал готовить за меня обед. Я оценил его благородство и, в свою очередь, пообещал отдежурить за него, когда он будет собирать материал на свою курсовую работу. Нику осталось положить в щи тушенку. Щепкой он терпеливо очищал банку говяжьей тушенки от слоя густой защитной смазки. Через пару часов его ждал неременный успех, но с такими темпами мы могли остаться без обеда.

– Что ты мучаешься? – не выдержал я. – Никакого соображения у тебя нет! Брось банку в костер и выжги смазку.

Опорожнив рюкзак, я разложил под навесом образцы и пробы. Начальник сидел на бревне и при свете костра читал мою пикетажку. На другом конце бревна пристроился Ник. Он что-то записывал в свою черную тетрадку. На перекладине над огнем висел казан, из которого аппетитно пахло щами. Есть хотелось страшно.

Я нахально попросил у Ника сигарету. Он сердито посмотрел сначала на меня, а потом на начальника. Расчет оказался точным: при начальнике Нику было неудобно мне отказать и он нехотя протянул пачку. Врожденная скромность позволила мне взять лишь две сигареты. Наклонившись к огню, я собрался прикурить от уголька костра. Вдруг два ружейных патрона с

картечью, лежавшие в нагрудном кармане энцефалитки, выскользнули из-под застегнутого клапана, и упали в огонь. Я сразу попытался веткой быстро выкатить из костра выпавшие патроны. И тут рвануло. В лицо ударил снап огня и, падая навзничь, я понял, что волчьей картечью мне разворотило левый глаз. Я завыл как гибнущий океанский лайнер. Под ладонью пульсировал горячий липкий кусок мяса, в которое превратилось мое лицо. Между пальцами струилась кровь. Ник с начальником суетились вокруг, пытаясь оторвать от лица мои руки, и убеждали, что необходимо немедленно дезинфицировать рану. Я был в шоке. Просто так в одну секунду остаться без глаза! Орал я не столько от боли, сколько от горя и жалости к себе. Наконец, начальнику с трудом удалось отнять от лица мои руки. Глаз почему-то совершенно не болел. Я осторожно приоткрыл веко, и неожиданно увидел свет костра. И тут раздался гомерический хохот Ника. Оказалось, что я с силой прижимал к глазу большой кусок горячего тушеного мяса из разорвавшейся консервной банки. Ник забыл вытащить ее из костра. Его, видите ли, неожиданно посетила Муза, и он не в силах был ей отказать.

Но справедливость тут же восторжествовала. Раздались два сухих выстрела. Ник, стоявший задом к костру, схватился за ягодицы и запрыгал, как дикий козел во время брачной церемонии. Это сработали патроны с картечью. Начальник, все еще державший в руках бинт, приказал Нику немедленно снять штаны. Картечь не пробила даже материю, но многочисленные мелкие синяки украсили Нику то место, «где спина теряет свое благородное название, а о ногах говорить еще рано».

Начальник достал из аптечки пузырек с зеленкой и принялся смазывать ранки на ягодицах Ника. Я вдруг понял, что передо мной совершенно уникальный кадр для нашей факультетской стенгазеты и рванул в палатку за фотоаппаратом.

– Сгинь! – фальцетом крикнул начальник, увидев меня с фотоаппаратом в руках. – Ну и кадры мне достались в этом году, столько приключений, как с вами, у меня не случилось за всю мою геологическую жизнь.